

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 1 / 2025, Vol. 5, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.09 : 821.161.1-342

¹Пучкова Е.В.

¹Тихоокеанский государственный университет

Литературные и фольклорные традиции в «Пестрых сказках» В.Ф. Одоевского

Аннотация: в данной статье рассматривается влияние литературных и фольклорных традиций на сюжеты, образы, мотивы сказок в цикле «Пестрые сказки» Владимира Одоевского. Целью исследования было выявление особенностей литературной сказки у Одоевского на материале нескольких произведений из «Пестрых сказок» – «Сказки о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и «Той же сказки, только на изворот». Для реализации данной цели необходимо было определить, каким образом в этих сказках сочетаются характерные для романтизма и для фольклора художественные элементы. В исследовании использовались методы литературоведческого анализа, описательный, культурно-исторический методы. В статье утверждается мысль, что своеобразие сказок В.Ф. Одоевского обусловлено взаимодействием элементов романтизма, русского фольклора и отечественной действительности 30-х годов XIX века, а также влиянием литературного контекста (Пушкин, Гофман) и мировоззрения самого автора (склонностью объяснять все «сверхъестественное», опираясь на достижения науки). Сказочные мотивы, формирующие сюжет, получают у Одоевского романтическую трактовку и опираются на реалистический материал.

Ключевые слова: сказка, фольклор, романтизм, литературные традиции, фантастика, сюжет, мотив кукольности

Для цитирования: Пучкова Е.В. Литературные и фольклорные традиции в «Пестрых сказках» В.Ф. Одоевского // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 1. С. 91 – 96.

Поступила в редакцию: 26 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 января 2025 г.; Принята к публикации: 29 января 2025 г.

¹Puchkova E.V.

¹Pacific National University

Literary and folklore traditions in "Motley Tales" by V.F. Odoevsky

Abstract: this article examines the influence of literary and folklore traditions on the plots, images, and motives of fairy tales in the cycle "Motley Tales" by Vladimir Odoevsky. The purpose of the study was to identify the features of the literary fairy tale in Odoevsky's work using several works from "Motley Tales" – "The Tale of How Dangerous it is for Girls to Walk in a Crowd Along Nevsky Prospect" and "The Same Tale, Only with a Twist". To achieve this goal, it was necessary to determine how these tales combine artistic elements characteristic of romanticism and folklore. The study used methods of literary analysis, descriptive, and cultural-historical methods. The article asserts that the uniqueness of V.F. Odoevsky's fairy tales is due to the interaction of elements of romanticism, Russian folklore and domestic reality of the 30s of the XIX century, as well as the influence of the literary context (Pushkin, Hoffmann) and the author's own worldview (the tendency to explain everything "supernatural" based on the achievements of science). Fairy tale motifs that form the plot are given a romantic interpretation by Odoevsky and are based on realistic material.

Keywords: fairy tale, folklore, romanticism, literary traditions, fantasy, plot, puppetry motive

For citation: Puchkova E.V. Literary and folklore traditions in "Motley Tales" by V.F. Odoevsky. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (1). P. 91 – 96.

The article was submitted: December 26, 2024; Approved after reviewing: January 09, 2025; Accepted for publication: January 29, 2025.

Введение

Владимир Федорович Одоевский – оригинальный писатель и видный общественный деятель XIX века. Это был фантастически многосторонний, уникальный человек: писатель, музыкант, музыкальный и литературный критик, философ, механик, химик, музейный работник и библиотекарь, издатель, педагог и высокообразованный чиновник. Потому-то даже в его время имя Одоевского было гораздо известнее, нежели его произведения. Об Одоевском написано немало статей, но основная их часть посвящена не его творчеству, а его личности и общественной деятельности. Одна из первых монографий об Одоевском – Сумцов Н.Ф. «Князь В.Ф. Одоевский» – появилась в 1884 году. Долгое время самым авторитетным исследованием творчества писателя была монография П.Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский» (1913) [2], все более поздние исследователи ссылаются в своих работах на нее. В конце XX века появилось несколько новых монографий о В. Одоевском: Ступель А. «В.Ф. Одоевский» (1985) [5], Голубева О.Д. «В.Ф. Одоевский» (1995), Турьян М.А. «Странная судьба моя (о жизни В.Ф. Одоевского)» (1991) [8]. Проблемам творчества В. Одоевского посвящено немало статей В.И. Сахарова [3, 4], М.А. Турьян [9], М.И. Медового и др. В основном, они исследуют жизнь В. Одоевского, его литературно-критические взгляды, просветительскую и государственную деятельность, а также его «философский романтизм», отразившийся в его произведениях. «Пестрым сказкам» в этих исследованиях уделяется не так много внимания, чем и обусловлена новизна нашего исследования. Чаще всего исследователи обращаются к одной сказке из цикла – «Игоша», считая ее образцом «психологической» фантастики, наиболее близкой к романтизму (Шумко В.В. [10, с. 69], Турьян М.А. [9, с. 153-156] и др.). Исследованием фольклорных традиций в литературной сказке XIX века занимались Шустов М.П. [11], Тиманова О.И. [6].

Между тем цикл «Пестрые сказки с красным словцом» очень важен в творчестве В. Одоевского: это первый его завершенный цикл (по наблюдению Турьян М.А. [9, с. 131], для Одоевского характерна не только цикличность мышления, но и незавершенность циклов), к тому же знаменующий собой начало петербургского, зрелого периода его творчества. Кроме того, в XXI веке возрождается интерес (особенно на волне популярности фантастики, исторического фэнтези) к творческому наследию недостаточно хорошо изученных поэтов, писателей, философов первой половины XIX века: В.Ф. Одоевского, Д.В. Веневитинова, А.Ф. Вельтмана, О.М. Сомова и др. Этими соображениями и определяется актуальность нашего исследования.

Мы задались целью исследовать некоторые особенности жанра сказки у В. Одоевского на материале отдельных произведений цикла «Пестрые сказки с красным словцом». Для этого мы ставим перед собой следующие задачи: выявить своеобразие творчества В. Одоевского на материале «Пестрых сказок»; выяснить, каким образом проявляется связь литературных поисков Одоевского с романтической эстетикой (так как В. Одоевский являлся представителем романтизма в русской литературе) и с русским фольклором (так как сказка – один из излюбленных жанров устного народного творчества); определить, как и в чем выразилось в «Пестрых сказках» влияние современной писателю действительности.

Материалы и методы исследований

Для подробного анализа мы выбрали две сказки из цикла «Пестрые сказки», которые, по нашему мнению, в наибольшей степени раскрывают особенности творческого метода Одоевского, но, в отличие от «Игоши» редко привлекают внимание исследователей: «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и ее продолжение «Та же сказка, только на изворот». Основными методами исследования являются метод литературоведческого анализа, описательный, культурно-исторический методы.

Результаты и обсуждения

Сборник «Пестрые сказки с красным словцом» вышел в свет в 1833 году. Первоначально Одоевский предполагал назвать свой цикл «Махровые сказки», но незадолго до набора решил изменить его название на «Пестрые сказки», что, по мнению писателя, лучше отражало суть сборника, включавшего разнородные («пестрые») по жанру и тематике произведения (и философский гротеск, и социально-нравоучительный рассказ, и фантастика). Сам автор в предисловии «От издателя» предупреждал об этом читателей: «...для одних читателей... сказки покажутся слишком странными, для других слишком обыкновенными; а иные без всякого недоумения назовут их странными и обыкновенными вместе» [1, с. 5].

Странность «Пестрых сказок» обусловлена не только особенностями мировоззрения автора, но и взаимодействием элементов романтизма, русского фольклора и отечественной действительности. Реалистические тенденции начинают проникать в философско-романтическое творчество В. Одоевского: романтические и сказочно-фантастические сюжеты разворачиваются на бытовом материале в конкретно-историческое время, а суть реального конфликта вскрывается с помощью фантастико-готескных, даже сказочных образов. Фантастические и по-романтически отвлеченные образы соседствуют с типичными представителями современной писателью эпохи (например, столичными и провинциальными чиновниками), обрисованными с реалистической конкретностью.

Горькая ирония над своим временем звучит в «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту», а также в ее логическом продолжении – «Той же сказке, только на изворот». Одоевский направил стрелы сатиры против пустого светского воспитания, лишающего человека живой души, горячего сердца, разума. Одоевский придает буквальный смысл этому переносному выражению («лишить души») и показывает, как в лавке иностранца живую русскую красавицу превратили в капризную куклу, вынув из нее душу и сердце. Следует заметить, что Одоевский не выступает против западного воспитания вообще, а только против его излишеств, против чрезмерного увлечения им.

Прокомментируем сюжеты этих сказок с точки зрения взаимодействия в них фольклорных мотивов и романтической поэтики.

Обе сказки начинаются с эпиграфа – несомненное влияние романтизма, для фольклора это не характерно. Эпиграф к «Сказке о том, как опасно...» представляет собой выдержку из «Руководства для разговора, составленного мадам Жанлис» – жеманные, надуманные фразы, которые приличная девушка может говорить мужчине. Эпиграф обличает издержки западного воспитания: даже с молодым человеком девушка должна разговаривать не так, как сердце велит, а по французскому образцу, как требуют приличия. Одоевского возмущает тот факт, что даже в повседневном устном общении установлен некий регламент, господствует мертвая форма.

В «Сказке о том, как опасно...» нет традиционного для народных сказок зачина: «В тридевятом царстве, в тридевятом государстве жили-были...». Он преобразован в развернутое описание-экспозицию с четко обозначенным местом действия – Петербург, Невский проспект. Но по общему смыслу это описание выполняет ту же функцию, что и сказочный зачин: сообщает о том, что пока все обстоит более или менее благополучно и ничто не предвещает беды. Но уже в этом описании появляется мотив кукольности: девушки уж очень похожи на кукол («хорошенькие головки вертелись, ножки топали о гладкий гранит»). Этот мотив получит в сказке дальнейшее развитие: когда девушки попадут в лавку иностранца, окажется, что они очень хорошо смотрятся среди куколок под хрустальными колпаками, поэтому нет ничего удивительного в том, что одну из девушек в конце концов превратили в куклу. Мотив кукольности особенно был характерен для Э.-Т.-А. Гофмана, т.е. это романтический мотив.

Здесь же возникает и своеобразный фольклорный мотив запрета: девушки должны держаться за руки и, не отставая друг от друга, идти «монастырь монастырем; таков уж у нас обычай» – это особенность времени, над которой иронизирует (и даже негодует) автор, попутно высмеивая грозных «маменек», которые дальше десяти считать не умеют.

Далее в повествование включается мотив чудесного, экзотического: девушки оказались в лавке «ново-приезжего искусника», полной разных удивительных товаров. Здесь снова взаимодействуют литература и фольклор: на романтический интерес к экзотике накладывается характерное для бытовых и отчасти волшебных сказок подробное описание чудес в лавке.

Далее разрабатывается ведущая сказочная ситуация – похищение, которое совершается обычно героем-злодеем (мотив беды). В устном народном творчестве в роли похитителя выступал часто Кощей Бессмертный – выходец из иного мира. Одоевский же обращается к бытовой ситуации, пытаясь тем самым мотивировать закономерность происходящих событий, понять причины характерных для его времени явлений: «славянскую деву» похищает не Кощей Бессмертный, а вполне реальный человек – торговец, «заморский басурманин», который просто запирает зазевавшуюся красавицу в своей лавке. В фольклоре басурманин, «кинородец» обычно относится к категории «чужого», опасного, потустороннего, тесно связанного с нечистой силой, поэтому часто оказывается колдуном. Вот и у Одоевского «басурманин» все же оказался чародеем, а лавка – иным, вторым миром (двоемирие – признак романтизма).

После того как часы пробили тринадцать раз (это как бы порог, отделяющий реальный мир от иного измерения, в котором возможны различные превращения, карнавализация – романтический мотив), появляется «свита» басурманина, его помощники – «безмозглая французская голова», «чуткий немецкий нос с ослиными ушами» и «тупо набитый английский живот». Они действуют только в этом ином измерении и пред-

ставляют собой символы или гротескные образы тех стран, которые имели наибольшее влияние на Россию в тот период, – Франции, Германии, Англии.

Над русской девушкой совершают насилие: вынули из нее сердце и долго распаривали его в жидкости, составленной из «множества романов мадам Жанлис, Честер菲尔довых писем, нескольких заплесневелых сен-тенций, канвы, итальянских рулад, ...отрывков из письмовника и дипломатических писем», т.е. губительное действие на сердце и душу оказывают сухие шаблоны и литературные стереотипы. После этого девушка окончательно превратилась в безвольную куклу, которая могла повторять только заученные фразы про чувство почтения и преданности. Таким образом, сказка Одоевского представляет собой иносказание, образы басурманина и его помощников – аллегория западного просвещения, а все, что происходит с героиней – это результат злоупотребления им. Причем воспринимается западное воспитание как насилие, следствием которого является разрушение русской самобытности. Подобная аллегоричность – влияние литературы.

Во всякой русской волшебной сказке обязателен мотив спасения прекрасной девушки из плена. Есть он и в сказке Одоевского, но реализуется не до конца. Герой-спаситель, молодой человек с романтической душой и богатым воображением, покупает красавицу-куклу и, узнав, что она умеет говорить, пытается пробудить в ней живые чувства, расшевелить душу, воспитать эстетически. Однако молодому человеку не хватило сил завершить благородное дело и «перелить своей души» в куклу. Она уже настолько оторвалась от русских корней, что даже предложение «заниматься хозяйством по старинному русскому обычаю» воспринимается ею как оскорбление. По сравнению с русской народной сказкой, где все кончается хорошо – свадьбой и счастливой жизнью, развязка сказки Одоевского является резким контрастом: однажды молодой человек избавился от куклы, выбросив ее из окошка. Герой-романтик оказался бессилен изменить что-либо в реальной жизни.

«Та же сказка, только на изворот» продолжает «Сказку о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и дает другой вариант развития событий: теперь красавица оказывается в роли спасительницы. Экспозиция представляет собой обширное лирическое отступление, где автор, иронически споря с «любезной пишущей, отчасти читающей и отчасти думающей братией», поднимает волнующие его вопросы: глупость, бесчестные расчеты, невежество, грубость и спесь, подлость души подменяют собой истинные человеческие ценности: дружбу, любовь, стыдливость, скромность и др. В этом отступлении гораздо явственнее слышен голос самого Одоевского, нежели сочинителя Гомозейки.

Рассказчик переходит непосредственно к сказке, которую хотел рассказать, – «Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Кивакеле» (получается, как бы сказка в сказке). Название, по-видимому, навеяно литературным контекстом того времени и отсылает нас к одной из пьес цикла «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина – «Каменному гостю». Уже в самом названии снова заявлен мотив кукольности. Автор продолжает решать проблему, поставленную еще в «Сказке о том, как опасно...»: можно ли возродить к возвышенной, духовной, осмысленной жизни душу, испорченную мнимыми приличиями и «басурманским» воспитанием. На связь этих двух сказок указывает то, что непосредственно «Сказка об очнувшейся кукле» начинается с того места, где закончилась предыдущая сказка: выброшенная кукла валяется на земле «для изъявления глубочайшего почтения и совершенной преданности». В таком состоянии и нашел ее «прадоритель славянского племени, тысячелетний мудрец» из Индии, олицетворяющий собой корни славянской культуры и самобытности (что, впрочем, не мешает Одоевскому поиронизировать и над ним). Эти представления Одоевского связаны с развитием в начале XIX века индоевропеистики и сравнительного языкознания и связанным с ним интересом к древнеиндийской культуре – в этом сказывается влияние эпохи. Мудрец выступает здесь в роли сказочного (фольклорного) «дарителя» – персонажа, помогающего чем-либо главному герою. Этот мудрец и оживил красавицу. Причем ситуация напоминает сцену воскрешения убитого героя с помощью мертвой и живой воды в волшебных сказках. Мертвой водой, возвращающей человеку душу, послужила горькая слеза мудреца, упавшая на куклу, от чего она затрепетала какой-то «мертвой жизнью». А в качестве живой воды мудрец использовал более «нетрадиционные» методы: овеял куклу гармоническими звуками Бетховена, свел на ее лицо красноречивые краски, рассыпанные по созданиям Рафаэля и Анджело, произнес несколько таинственных слов на древнем славянском языке, «благословил красавицу поэзией Байрона, Державина и Пушкина и вдохнул ей искусство страдать и мыслить», т.е. возрождает девушку приобщение к искусству, к романтической культуре. Эти культурные ценности и смогли противостоять вырождению человеческого в человеке.

Гармонию нарушает появление существа по прозванию Кивакель (от глагола «кивать») – с «деревянной душою» – так реализуется традиционный сказочный мотив испытания героя. Красавица, помня о своем былом ничтожестве, пытается возродить «грубое, униженное существо, доставшееся на ее долю и тем самым исполнить высокое предназначение женщины в этом мире» (примета времени), тем самым повторяя ситуа-

цию с романтическим героем-спасителем. Но все ее усилия оказались тщетными: сколько она ни билась, ей не удалось одушевить Кивакеля. Белинский заметил на этот счет: «Г-н Кивакель тоже, должно быть, воспитан был басурманами, а оттого и получил способность жить только трубкою и лошадьми» [1, с. 121].

И на этот раз развязка оказалась нетрадиционно трагичной для волшебной сказки: измученная красавица зачахла от такой жизни, «и скоро бездыханный труп ее Кивакель снова выкинула из окошка». Теперь мы в полной мере понимаем, почему эта сказка «на изворот»: не только потому, что теперь ожившая красавица пытается спасти мертвую душу Кивакеля, но и потому, что теперь не живое избавляется от мертвого, а мертвое губит живое. К финалу механистичность доминирует и подавляет все живое, чистое, истинное. А чувствующие и мыслящие люди в этом марионеточном мире кивакелей и кукол под хрустальными колпаками обречены (романтический мотив в духе Гофмана).

Интересно, что возродить исковерканную душу смог только тысячелетний индийский мудрец. Ни молодому чувствительному человеку, ни самой очнувшейся красавице осуществить эту миссию оказалось не под силу, хотя они действовали, в общем, теми же методами. Нам кажется, что это происходит потому, что романтический герой бессилен что-либо изменить в мире, хотя и очень старается это сделать. Возродить душу, по мнению писателя, способно только обращение к самобытной национальной культуре, к самым ее истокам, которые и олицетворяет мудрец.

У Одоевского в сказках нет сильного положительного героя. Герои не выдерживают испытаний, они не готовы пока к столкновению с механистическим миром марионеток и не «дотягивают» ни до романтических бунтарей, ни до находчивых, умных героев фольклора. Фантастика все перевернула, перепутала, довела до абсурда, помогая по-новому взглянуть на привычные явления. Сказочные сюжетообразующие мотивы получают у Одоевского романтическую трактовку и опираются на реалистический материал. Это было довольно ново в начале XIX века (Троицкий В.Ю. [7]).

Выводы

Обобщая опыт анализа «Пестрых сказок» В.Ф. Одоевского, скажем, что в этих сказках в большей или меньшей степени проявляются и романтическая эстетика, и элементы реалистического искусства, и традиционные фольклорные мотивы. Так, влияние фольклора наиболее заметно в «Сказке о том, как опасно девушкам...», «Той же сказке, только на изворот», «Игоше». Все сказки основаны на идее двоемирия в том или ином ее виде: действие происходит или в обоих планах, или только в «иной» плоскости, или на грани двух миров. Все сказки пронизаны романтической иронией. Романтические мотивы, сходные с гофмановскими (человек – кукла, лишенная личности; мир – царство автоматов и др.) отчетливо прослеживаются не только в «Сказке о том, как опасно девушкам...», «Той же сказке, только на изворот», но и в других сказках циклах. Многие сказки поднимают важные философские и нравственные вопросы о сущности человека, роли науки и воображения в развитии общества; они содержат острые сатирические выпады против состояния современного Одоевскому общества. Еще одной особенностью «Пестрых сказок» является мотивированность фантастики: она не мистична, не остается загадочной для читателей. Автор, сам стремившийся к научным знаниям, просвещает их, давая реальное объяснение происходящим с героями чудесам. Кроме того, часто фантастика у Одоевского служит целям обличения реальных пороков.

Таким образом, «Пестрые сказки» – произведение романтическое по преимуществу, но сохранившее связь с фольклорными традициями на уровне сказочных сюжетообразующих мотивов и ситуаций. Однако связь сказок Одоевского и с романтизмом, и с устным народным творчеством несколько ослаблена философией, анализом, дидактикой, научными объяснениями.

Список источников

1. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996. 205 с.
2. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель: в 2 т. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 2. 481 с.
3. Сахаров В.И. Движущаяся эстетика В.Ф. Одоевского // Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. С. 5 – 22.
4. Сахаров В.И. О жизни и творениях Владимира Одоевского // Одоевский В.Ф. Повести. М.: Художественная литература, 1977. С. 5 – 15.
5. Ступель А. Одоевский: Популярная монография. Л.: Музыка, 1985. 96 с.
6. Тиманова О.И. Русская литературная сказка второй половины XVIII – первой половины XIX века: становление жанра: монография. СПб.: Наука: САГА, 2007. 329 с.
7. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. 277 с.

8. Турьян М.А. Странная моя судьба: О жизни В.Ф. Одоевского. М.: Книга, 1991. 398 с.
9. Турьян М.А. «Пестрые сказки» Владимира Одоевского // Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996. С. 131 – 168.
10. Шумко В.В. «Практическо-философская» фантастика В.Ф. Одоевского // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Литературоведение. 2013. № 10. С. 67 – 72.
11. Шустов М.П. Сказки А. Погорельского и В. Одоевского как первый опыт «реконструкции» фольклорной сказки в русской литературе XIX века // Проблемы современной русистики: язык – культура – фольклор. Арзамас, 2004. С. 264 – 267.

References

1. Odoevsky V.F. Motley tales. St. Petersburg: Nauka, 1996. 205 p.
2. Sakulin P.N. From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoevsky. Thinker. Writer: in 2 vol. M.: Publishing house of M. and S. Sabashnikov, 1913. Vol. 1. Part 2. 481 p.
3. Sakharov V.I. Moving aesthetics V.F. Odoevsky. Odoevsky V.F. About literature and art. M.: Sovremennik, 1982. P. 5 – 22.
4. Sakharov V.I. About the life and works of Vladimir Odoevsky. Odoevsky V.F. Stories. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. P. 5 – 15.
5. Stupel A. Odoevsky: Popular monograph. L.: Muzyka, 1985. 96 p.
6. Timanova O.I. Russian literary fairy tale of the second half of the 18th – first half of the 19th century: formation of the genre: monograph. SPb.: Nauka: SAGA, 2007. 329 p.
7. Troitsky V.Yu. Artistic discoveries of Russian romantic prose of the 20-30s of the 19th century. M.: Nauka, 1985. 277 p.
8. Turyan M.A. My strange fate: About the life of V.F. Odoevsky. M.: Kniga, 1991. 398 p.
9. Turyan M.A. "Varied Tales" by Vladimir Odoevsky. Odoevsky V.F. Varied Tales. SPb.: Nauka, 1996. P. 131 – 168.
10. Shumko V.V. "Practical and Philosophical" Fantasy by V.F. Odoevsky. Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities. Literary Criticism. 2013. No. 10. P. 67 – 72.
11. Shustov M.P. Tales by A. Pogorelsky and V. Odoevsky as the First Experience of "Reconstructing" a Folklore Tale in Russian Literature of the 19th Century. Problems of Contemporary Russian Studies: Language – Culture – Folklore. Arzamas, 2004. P. 264 – 267.

Информация об авторах

Пучкова Е.В., старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет,
yelena.puchkova@mail.ru

© Пучкова Е.В., 2025